Отдѣльный оттискъ изъ Записокъ Восточнаго Отдѣленія
Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.
Томъ XXII.

В. БАРТОЛЬДЪ.

КЪ ИСТОРІИ ПЕРСИДСКАГО ЭПОСА.

ПЕТРОГРАДЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1915.

РК
МИДО
Иран
Бар

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.
Секретарь *Б. Фармаковскій.*

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
529
54

Къ исторіи персидскаго эпоса.

Иранскій народъ, подобно родственному ему индійскому, въ до-мусульманскую эпоху почти не имѣлъ достовѣрной письменной исторіи; но именно по этой причинѣ періодъ эпическаго творчества былъ въ Иранѣ продолжительнѣе, чѣмъ въ большей части другихъ странъ, и народный эпосъ встрѣчалъ больше вниманія со стороны образованнаго сословія. Литературная обработка эпоса закончилась созданіемъ эпопеи, какой нѣтъ ни у одного народа, кромѣ иранцевъ[1]).

Трудами Гутшмида, Маркварта и другихъ, въ особенности классическимъ трудомъ Нельдеке[2]) (1896 г.), до сихъ поръ не утратившимъ своего значенія, вполнѣ доказано, что нѣкоторые изъ эпическихъ мотивовъ, встрѣчающихся въ «Шахъ-Намэ» Фирдауси, относятся къ глубокой древности и были извѣстны уже древне-греческимъ писателямъ, особенно Ктесію. Болѣе сомнѣній возбуждаетъ вопросъ о мѣстѣ происхожденія иранскаго эпоса вообще и отдѣльныхъ эпическихъ мотивовъ, также вопросъ о томъ, въ какой степени отдѣльныя области Ирана имѣли свою эпическую традицію и въ какой степени иранскій эпосъ былъ достояніемъ всего народа. Попытки рѣшить эти вопросы приводили къ сложнымъ и не всегда яснымъ построеніямъ. По теоріи Гутшмида, принятой Нельдеке, разсказъ Ктесія о Кирѣ персидскаго, а не мидійскаго происхожденія, такъ какъ то же самое преданіе впослѣдствіи было перенесено на основателя второй персидской монархіи, Ардашира; правда, разсказъ Ктесія проникнутъ не столько персидской, сколько мидійской тенденціей, но это объясняется тѣмъ, что персидская легенда дошла до Ктесія въ мидійской передачѣ (wie sie—die Erzählung—von medischen Händen travestirt worden war). Однако вообще Ктесій въ

1) Выраженіе Нельдеке (Tabari, S. XIV): ein Nationalepos, wie es in der Weise kein andres Volk besitzt.

2) Das iranische Nationalepos (Grundriss der iran. Philologie, II, S. 130—211).

своихъ разсказахъ о до-историческомъ прошломъ Персіи (die Vorgeschichte des persischen Reiches), кромѣ семитическихъ миѳовъ и сказаній, пользовался, по мнѣнію Нельдеке, главнымъ образомъ, мидійскими преданіями (wesentlich medische Ueberlieferung)[1]).

Въ противоположность этимъ теоріямъ, мнѣ казалось бы возможнымъ защищать тезисъ, что какъ въ мусульманской Персіи, такъ и въ до-мусульманскій періодъ, начиная съ эпохи Ахеменидовъ, эпическое творчество, литературная обработка эпическихъ мотивовъ и пріуроченіе ихъ къ опредѣленнымъ историческимъ лицамъ сосредоточивались въ восточной части Ирана. Если одинъ и тотъ же эпическій мотивъ былъ пріуроченъ къ основателямъ двухъ династій, вышедшихъ изъ Фарса, то это объясняется не популярностью преданія на мѣстѣ ихъ родины, но одинаковымъ значеніемъ обѣихъ династій для всей страны.

1.

Еще Dubeux обратилъ вниманіе на фактъ, что Ктесій совершенно умалчиваетъ о такомъ важномъ событіи царствованія Кира, какъ походъ на Вавилонъ[2]). Этотъ фактъ пріобрѣтаетъ особенное значеніе, если сопоставить его съ подробными разсказами того же автора о походахъ Кира на восточно-иранскія области, причемъ эти разсказы явно проникнуты бактрійско-сакской тенденціей. Бактрійцы, непобѣжденные Киромъ, добровольно покоряются ему, когда узнаютъ, что онъ хорошо обращается съ Астіагомъ и женился на его дочери. Киръ побѣждаетъ царя саковъ, Аморга; Спаретра, жена Аморга, побѣждаетъ Кира и освобождаетъ мужа; борьба оканчивается союзомъ между обоими владѣтелями; Аморгъ выручаетъ Кира во время его послѣдней борьбы съ дербиками; умирая, Киръ поручаетъ Аморгу своихъ сыновей[3]).

Та же тенденція проявляется въ разсказахъ Ктесія о до-историческомъ прошломъ Ирана; достаточно указать на извѣстный романъ о царицѣ саковъ Заринеѣ и мидійскомъ царевичѣ Стріангеѣ[4]). На основаніи этого и подобныхъ ему разсказовъ о борьбѣ «со степными народами» еще Марквартъ пришелъ къ выводу, что Ктесій сохранилъ намъ «отрывки изъ древне-иранскаго героическаго эпоса» (Stück altēränischer Heldensage),

1) Grundriss, S. 132.

2) L. Dubeux, La Perse, Paris 1881 (2-ое изд.), p. 84.

3) Отрывки изъ Ктесія у C. Müller какъ приложеніе къ изд. Геродота (Paris 1844). Объ Астіагѣ Fragm. Pers. 2, объ Аморгѣ Pers. 3, 7 и 8.

4) Діодоръ (II, 34) и Николай Дамаскинъ (Fragm. Hist. Graec. III, 364, § 12). По-русски содержаніе романа изложено В. В. Григорьевымъ (О скиѳскомъ народѣ сакахъ, Спб. 1871, стр. 20—23).

что эпическіе мотивы были принесены мидянами и персами съ востока и локализованы на западѣ[1]). Разсказъ о Кирѣ, по словамъ Маркварта, такъ прочно утвердился въ Фарсѣ, что мы встрѣчаемъ его еще въ эпоху Сасанидовъ[2]). Но какъ Ахемениды, такъ и Сасаниды распространили свою власть далеко за предѣлы своей родины, и нѣтъ никакого основанія полагать, что преданія о нихъ возникали и распространялись преимущественно въ Фарсѣ. Еще Нельдеке[3]) обратилъ вниманіе на фактъ, что легендарный мотивъ о Зопирѣ, извѣстный по разсказу Геродота (III, 153 сл.) о взятіи Даріемъ Вавилона, повторяется также въ разсказѣ Поліена[4]) о Даріи и въ разсказѣ Табари о Перозѣ, причемъ въ обоихъ случаяхъ дѣйствіе происходитъ на восточной границѣ государства (кромѣ того въ обоихъ случаяхъ, въ отличіе отъ геродотовскаго разсказа, жертвой обмана является персидскій царь).

Бактрійская тенденція замѣтна даже въ нѣкоторыхъ разсказахъ Ктесія объ эпохѣ Ахеменидовъ — лучшее доказательство, что и въ государствѣ Ахеменидовъ, несмотря на западное происхожденіе династіи, историческое преданіе слагалось, по крайней мѣрѣ отчасти, въ восточныхъ областяхъ. Разсказъ о сыновьяхъ Кира, Камбизѣ и Таніоксаркѣ, изъ которыхъ второй получилъ въ удѣлъ Бактрію, проникнутъ явной симпатіей къ Таніоксарку, оклеветанному передъ своимъ братомъ. Возможно, что подробности этого разсказа, какъ полагаетъ Марквартъ[5]), сочинены Ктесіемъ (или его источникомъ) по образцу современныхъ ему событій — борьбы между Артаксерксомъ II и Киромъ Младшимъ; но тенденція разсказа и пріуроченіе намѣстничества Таніоксарка къ Бактріи всетаки представляютъ интересъ. Любопытна также подробность въ разсказѣ о возстаніи бактрійцевъ въ началѣ царствованія Артаксеркса I (Pers. 31): первая битва была нерѣшительной; во второй бактрійцы были побѣждены только потому, что вѣтеръ дулъ имъ въ лицо.

Разсказъ другого автора, Хареса митиленскаго[6]), современника Александра, дастъ намъ возможность прійти къ еще болѣе опредѣленнымъ выводамъ. Изъ этого разсказа мы узнаемъ, что уже въ эпоху Ахеменидовъ существовали не только легендарные мотивы, характерные для иранскаго

---

1) Philologus, Suppl. Band VI, S. 601.

2) Ibid. S. 603.

3) Nöldeke, Tabari, S. 124; Grundriss, II, 133.

4) Πολυαίνου Στρατηγήματα, VII, 12. О томъ же мотивѣ въ разсказахъ о дѣйствіяхъ въ Средней Азіи арабовъ см. ЗВО XVII, 0141.

5) Philologus, VI. Supplementb., S. 620.

6) Athenaeus, Deipnosophistai, XIII, 575; текстъ также въ приложеніи къ изданію Арріана (C. F. Müller), p. 119—120 (fragm. 17).

эпоса, но даже имена нѣкоторыхъ изъ героевъ, вслѣдствіи воспѣтыхъ въ «Шахъ-Намэ». Мы имѣемъ здѣсь первоначальную версію разсказа о двухъ братьяхъ, Гуштаспѣ (Гистаспѣ) и Зарирѣ, объ отъѣздѣ одного изъ братьевъ въ чужую страну и женитьбѣ на дочери чужого царя, передъ этимъ видѣвшей царевича во снѣ и увлекшейся его красотой. Въ подробностяхъ разсказъ Хареса во многомъ отличается отъ разсказа Фирдауси. По первоначальной версіи Гистаспъ былъ царемъ Мидіи и правилъ страной до Каспійскихъ воротъ; страна оттуда къ востоку до Танаиса (Сыръ-Дарьи) находилась подъ властью его брата Заріадра. За Танаисомъ правилъ скиоскій[1]) царь Омартъ, у котораго была дочь Одатида; Заріадръ и Одатида увидѣли и полюбили другъ друга во снѣ; Заріадръ просилъ у Омарта руки его дочери, но получилъ отказъ. Омартъ хотѣлъ выдать дочь за одного изъ своихъ родственниковъ и созвалъ жениховъ на пиръ, на которомъ должна была появиться Одатида и подать золотую чашу своему избраннику. Царевна тайно извѣстила объ этомъ Заріадра; Заріадръ отправился въ путь въ сопровожденіи только одного возницы, переѣхалъ черезъ Танаисъ и явился къ царевнѣ въ то время, когда она готовила чашу; обрадованная Одатида протянула чашу ему, и онъ быстро увезъ ее на своей колесницѣ; слуги и служанки, бывшіе заодно съ царевной, не преслѣдовали ихъ. Харесъ прибавляетъ къ этому, что разсказъ о Заріадрѣ и Одатидѣ былъ очень популяренъ среди «жившихъ въ Азіи варваровъ» и что въ храмахъ, дворцахъ и частныхъ домахъ часто встрѣчались изображенія, относившіяся къ этому роману; по той же причинѣ князья любили давать своимъ дочерямъ имя «Одатида».

У Фирдауси[2]) тотъ же разсказъ приводится въ иномъ видѣ, съ различными искаженіями и наслоеніями; кромѣ того существенное отличіе этой позднѣйшей версіи отъ болѣе ранней заключается въ томъ, что на чужбину отправляется не Зариръ (Заріадръ), а Гуштаспъ (Гистаспъ), притомъ ѣдетъ не на востокъ, черезъ Танаисъ, а на западъ, черезъ море и женится не на дочери скиѳскаго царя, а на дочери римскаго императора. Это различіе между первоначальной и позднѣйшей версіей, несомнѣнно, свидѣтельствуетъ въ пользу восточно-иранскаго происхожденія легенды. Любопытно появленіе имени Гистаспа, какъ легендарнаго царя. Иранское царство далекаго прошлаго, очевидно, представляли себѣ по образцу государства Ахеменидовъ; владыка всего государства живетъ на западѣ; восточныя области обра-

1) Въ текстѣ βασιλεῖ Μαρηθῶν; для объясненія этого названія были предложены различныя конъектуры, не представляющія для насъ интереса. Рѣчь во всякомъ случаѣ идетъ о какихъ либо среднеазіатскихъ сосѣдяхъ персидской монархіи.

2) ..., бомб. изд. 1864 г., стр. 548 и слѣд.

зуютъ обширное намѣстничество, подъ властью одного изъ представителей царствующаго дома. Какъ царь всего Ирана, легендарный Гистаспъ могъ жить только на западѣ, хотя бы легенда была создана на востокѣ, подъ вліяніемъ историческихъ Гистасповъ, правившихъ восточными областями въ эпоху Ахеменидовъ. Извѣстно, что Гистаспъ, отецъ Дарія, въ царствованіе своего сына былъ намѣстникомъ Парѳіи[1]); Гистаспъ, сынъ Дарія, былъ въ войскѣ своего брата Ксеркса предводителемъ бактрійцевъ и саковъ[2]); Гистаспъ, сынъ Ксеркса, былъ намѣстникомъ Бактріи[3]). О легендарномъ Гистаспѣ Харесъ, къ сожалѣнію, не сообщаетъ намъ ничего, кромѣ имени его самого и его брата Заріадра; остается совершенно неизвѣстнымъ, было ли какое нибудь сходство между разсказами о Гистаспѣ, существовавшими въ эпоху Ахеменидовъ, и разсказами позднѣйшаго эпоса.

Однимъ изъ спеціалистовъ по классической филологіи[4]) было высказано мнѣніе, что легендарный мотивъ разсказа о Заріадрѣ и Одатидѣ — не иранскаго, а іоническаго происхожденія, такъ какъ тотъ же мотивъ встрѣчается въ разсказѣ объ основаніи города Массаліи; кромѣ того, по замѣчанію того же ученаго, въ разсказѣ Хареса иранскія имена Гистаспъ и Заріадръ приведены въ связь съ семитическимъ Адонисомъ (Гистаспъ и Заріадръ названы потомками Афродиты и Адониса), въ чемъ видна «точка зрѣнія грека, для котораго все восточное составляетъ одно цѣлое» (dem alles Orientalische in eins zusammenläuft). Легенда объ основаніи Массаліи приводится самимъ Атенеемъ[5]) рядомъ съ разсказомъ Хареса, съ ссылкой на сочиненіе Аристотеля Μασσαλιωτῶν Πολιτεία. Это сочиненіе, очевидно, принадлежало къ числу приписывавшихся Аристотелю многочисленныхъ «политій» — «трактатовъ о строѣ греческихъ и варварскихъ государствъ, доходившихъ minimum до 158 номеровъ»[6]). Могли ли среди этихъ трактатовъ быть подложные, мнѣ неизвѣстно; во всякомъ случаѣ мы находимъ въ массальскомъ преданіи только нѣкоторые изъ легендарныхъ мотивовъ сказанія, переданнаго Харесомъ (созывъ жениховъ и врученіе чаши избраннику; женитьба чужестранца на царской дочери). Возможно, что здѣсь отразилась та же греческая обработка, какъ въ словахъ объ Адонисѣ, Танаисѣ и т. п. (у Фирдауси царевна даетъ избраннику букетъ свѣжихъ нарциссовъ), но характерно, что въ массальской легендѣ отсутствуетъ

1) Бисутунская надпись (Bh 35).
2) Геродотъ, VII, 64.
3) Діодоръ, XI, 69, 2.
4) Schwartz въ Pauly's Real-Encyklopädie², s. v. Chares.
5) Athen. XIII, 576.
6) С. А. Жебелевъ, Политика Аристотеля, Спб. 1911 (Труды Спб. Философскаго Общ., вып. VII), стр. 443.

главный мотивъ иранскаго сказанія — видѣніе во снѣ, какъ причина путешествія чужестранца и предпочтенія его другимъ женихамъ. При такой скудости массальской легенды по сравненію съ иранской гипотеза о іоническомъ происхожденіи послѣдней становится мало вѣроятной; противъ этого говорятъ также слова Хареса о широкомъ распространеніи сказанія среди «жившихъ въ Азіи варваровъ», т. е., очевидно, среди населенія покоренной Александромъ персидской монархіи. Тотъ же фактъ можетъ быть признанъ лучшимъ доказательствомъ, что уже въ эпоху Ахеменидовъ по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ сказаній, вошедшихъ въ иранскій эпосъ, каково бы ни было ихъ первоначальное происхожденіе, сдѣлались достояніемъ всего иранскаго народа.

2.

Греческіе завоеватели Ирана, какъ извѣстно, встрѣтили отпоръ въ III в. до Р. Хр. со стороны восточно-иранской династіи Арсакидовъ, постепенно отнявшей у Селевкидовъ ихъ владѣнія въ Ираиѣ и Месопотаміи и сохранившей свою власть до III в. по Р. Хр. По мѣрѣ завоеванія отдѣльныхъ областей правители переносили свою столицу все дальше на западъ.

Несмотря на долгую борьбу съ греками, Арсакиды, какъ показываютъ ихъ монеты и нѣкоторыя извѣстія классическихъ авторовъ, въ значительной степени подчинились вліянію греческой культуры; но та же борьба не могла не содѣйствовать развитію иранскаго національнаго самосознанія. Изъ надписей Дарія и изъ словъ Геродота (VII, 62) о мидянахъ мы знаемъ, что и при Ахеменидахъ населеніе Ирана, даже въ западныхъ областяхъ, называло себя арійцами, но примѣровъ употребленія термина «Иранъ», т. е. «страна арійцевъ», мы въ эту эпоху не встрѣчаемъ; впервые онъ появляется (въ формѣ *Аріана*) у Эратосѳена (III в. до Р. Хр.), для обозначенія страны, находившейся подъ властью Арсакидовъ[1]). При одномъ изъ Арсакидовъ, носившемъ имя Волагасъ, вѣроятно при Волагасѣ I (I в. по Р. Хр.)[2]) былъ составленъ сводъ книгъ Авесты. Письмо и литературный языкъ Персіи послѣ-ахеменидскаго періода получили названіе «пехлевійскихъ», т. е. парѳянскихъ; это названіе пережило политическое господство парѳянъ и употреблялось также при Сасанидахъ, такъ какъ перешло къ мусульманскимъ авторамъ; его продолжали употреблять даже тогда, когда первоначальное значеніе слова «пехлевійскій» было давно забыто[3]).

1) Марквартъ въ ZDMG XLIX, 629.

2) Такого мнѣнія былъ еще Гутшмидъ (Geschichte Irans, Tübingen 1888, S. 137). О доводахъ Марквартa см. ниже.

3) Едва ли убѣдительна попытка Марквартa (ZDMG XLIX, 630 f.) доказать, что еще Мухаммеду ар-Рухни, автору конца III и начала IV в. хиджры, было извѣстно на-

При такихъ условіяхъ періодъ господства Арсакидовъ не могъ пройти безслѣдно для исторіи персидскаго эпоса. Какіе разсказы слагались въ эту эпоху о самихъ Арсакидахъ, мы, вѣроятно, никогда не узнаемъ; литературные памятники этой эпохи, какъ и предшествующей, не дошли до насъ; греческіе авторы не даютъ намъ объ иранскихъ преданіяхъ арсакидской эпохи даже такихъ свѣдѣній, какія мы находимъ у Ктесія и Хареса о преданіяхъ эпохи Ахеменидовъ. Полагаютъ, что при Арсакидахъ въ эпическіе разсказы о далекомъ прошломъ были внесены имена нѣкоторыхъ историческихъ дѣятелей этого періода, какъ при Ахеменидахъ — имя Гистаспа. Особенно любопытно совпаденіе имени эпическаго Гударза, «образца всѣхъ добродѣтелей»[1]), съ именемъ историческаго парѳянскаго царя I в. по Р. Хр. (у грековъ Gotarzes), бывшаго, повидимому, сначала княземъ Гирканіи, куда онъ вернулся (около 41 г. по Р. Хр.) послѣ неудачной попытки овладѣть престоломъ и откуда черезъ нѣсколько лѣтъ предпринялъ вторую, болѣе успѣшную попытку; на этотъ разъ ему удалось устранить своихъ соперниковъ и удержаться на престолѣ до своей смерти (51 г.). Въ греческой надписи[2]), принадлежащей этому царю (на горѣ Бисутунъ), онъ названъ сыномъ Гива; въ эпосѣ Гивъ названъ сыномъ Гударза. Эпическій Гударзъ, какъ и историческій, отчасти связанъ съ Гирканіей; послѣ побѣды надъ турками онъ получаетъ отъ своего государя Исфаханъ и *Джурджанъ*[3]). Въ Персіи, однако, и послѣ Арсакидовъ были вельможи, носившіе имя Гударзъ; по одному разсказу[4]), такъ звали опекуна малолѣтняго Шапура II (309—379), управлявшаго государствомъ до совершеннолѣтія царя и, несмотря на противодѣйствіе завистниковъ, охранявшаго его престолъ; послѣ своего совершеннолѣтія Шапуръ отъ себя поручилъ ему управленіе всѣми дѣлами государства. Судя по этимъ даннымъ, Гударзъ IV в. по своимъ личнымъ качествамъ болѣе походилъ на эпическаго Гударза, чѣмъ парѳянскій царь; въ виду полнаго отсутствія данныхъ, по которымъ могъ бы быть установленъ terminus ante quem внесенія имени «Гударзъ» въ эпосъ, этотъ вопросъ приходится оставить открытымъ.

Съ именами эпическихъ героевъ совпадаютъ также имена нѣкоторыхъ другихъ «Ашканіевъ» или Арсакидовъ по спискамъ, приводимымъ мусульманскими авторами; эти имена принадлежатъ, однако, къ числу тѣхъ, ко-

---

стоящее значеніе слова پهلو. Послѣ армянскихъ писателей VII в. (Себеосъ, перев. К. Патканьяна, Спб. 1862, стр. 13 и др.) никто, повидимому, не зналъ, что пехлевійцы и парѳяне — одно и то же.

1) Выраженіе Нельдеке (Grundriss, II, 137): ein Muster aller Tugenden.

2) О надписи Гутшмидъ, Geschichte Irans, S. 123; F. Justi въ Grundriss, II, 504.

3) Табари, I, 613 внизу; у Фирдауси (стр. 476) названъ только Исфаханъ.

4) Abû-Hanîfa ad-Dînawerî, p. 92.

торыя мы находимъ только въ мусульманскихъ спискахъ, но не у современныхъ Арсакидамъ классическихъ авторовъ. По мнѣнію Нельдеке, эти списки должны быть принимаемы съ большою осторожностью, но считать такія имена вымышленными нѣтъ основанія: рѣчь можетъ итти о боковыхъ вѣтвяхъ династіи, которыхъ, какъ мы знаемъ, было нѣсколько [1]). Едва ли это можетъ быть доказано. Народное преданіе сохранило династическое имя царей, правившихъ послѣ Александра, тогда какъ самое имя Ахеменидовъ было забыто и замѣнено именемъ легендарной династіи Кейянидовъ; но о событіяхъ арсакидской эпохи преданіе не сохранило, повидимому, никакихъ свѣдѣній; даже продолжительность господства династіи была опредѣлена, притомъ еще въ до-мусульманскую эпоху [2]), совершенно невѣрно. Сами персы начинали достовѣрную исторію своей страны только съ воцаренія Сасанидовъ [3]). При такихъ условіяхъ трудно было бы отвергать возможность существованія среди именъ «Ашканіевъ» легендарныхъ именъ.

Была сдѣлана попытка доказать, что эпоха Арсакидовъ оказала вліяніе на развитіе эпоса еще въ другомъ отношеніи: въ жизнеописаніе эпическихъ героевъ, унаслѣдованныхъ отъ предшествующей эпохи, вносились черты изъ жизни представителей пароянской династіи. По мнѣнію Маркварта [4]), Гистаспъ иранскаго эпоса (въ томъ видѣ, какъ послѣдній дошелъ до насъ) вполнѣ соотвѣтствуетъ историческому Волагасу I (51—78). Кромѣ нѣкоторыхъ другихъ чертъ сходства, отмѣчается фактъ, что при Гистаспѣ, какъ при Волагасѣ, былъ составленъ сводъ книгъ Авесты; еще замѣчательнѣе, по мнѣнію Маркварта, что сынъ Гистасна Исфендіяръ, по одному пехлевійскому сочиненію, переведенному Ибн-Мукаффа', и по нѣсколькимъ армянскимъ и мусульманскимъ авторамъ, велъ борьбу съ аланами на Кавказѣ и построилъ противъ нихъ крѣпость; между тѣмъ аланы впервые появляются въ I в. по Р. Хр. и впервые совершаютъ нашествіе на Иранъ при Волагасѣ I, причемъ особенные подвиги въ борьбѣ съ ними приписываются брату Волагаса Тиридату. Какъ по этимъ подвигамъ, такъ и по своему благочестію, о которомъ упоминаетъ Тацитъ (Плиній даже называетъ его магомъ), Тиридатъ вполнѣ соотвѣтствуетъ эпическому Исфендіяру. Аналогія представляется Маркварту настолько доказанной, что онъ пользуется преданіями о Гистаспѣ и его потомкахъ для установленія подробностей царствованія Арсакидовъ. По пехлевійскому «списку городовъ»

1) Grundriss, S. 136.

2) Это доказалъ самъ Нельдеке, на основаніи свидѣтельства византійскаго автора VI в. Агаѳія. Ср. Nöldeke, Tabari, S. XVI, N. 3.

3) Ja'qûbi, Hist., I, 178.

4) ZDMG XLIX, 635 f. Ērānšahr, S. 299.

внукъ Гистаспа основалъ Кабулъ; «такъ какъ Гистаспъ въ эпосѣ замѣняетъ Арсакида Волагаса I», то въ этомъ извѣстіи сохранилось воспоминаніе о завоеваніи Кабула Арсакидами, о чемъ мы кромѣ этого знаемъ только по (китайской) «Исторіи Младшихъ Хань».

И въ этомъ случаѣ мы не имѣемъ данныхъ ни о томъ, когда были локализованы на Кавказѣ войны Исфендіяра, ни о томъ, когда было внесено въ Авесту и въ эпосъ имя Гистаспа, какъ имя благочестиваго царя, принявшаго религію Зороастра. Гистаспъ (Wištāspa) упоминается, какъ извѣстно, уже въ гатахъ—древнѣйшихъ гимнахъ Авесты, составленныхъ, конечно, задолго до арсакидской эпохи; но возможно, что имя Гистаспа было внесено въ эти гимны только впослѣдствіи; такимъ же образомъ врагами Гистаспа и вѣры Зороастра названы въ Авестѣ хіониты, народъ, выступающій, какъ доказалъ Марквартъ, только въ IV в. по Р. Хр.[1]). Очевидно, въ Авестѣ первоначально стояло другое этнографическое названіе. Эпосъ пошелъ въ этомъ отношеніи еще дальше и замѣнилъ хіонитовъ завоевателями VI в., турками, причемъ, однако, до насъ дошла и болѣе ранняя версія, относящаяся, вѣроятно, къ концу V или къ началу VI в., гдѣ вмѣсто турокъ еще названы хіониты[2]).

Всѣ эти вопросы можно было бы разсмотрѣть только въ связи съ вопросомъ о происхожденіи Авесты и критикѣ ея текста, что не можетъ входить въ нашу задачу. Въ классической литературѣ первыя извѣстія о Гистаспѣ, какъ поборникѣ вѣры Зороастра, относятся къ IV в. по Р. Хр.[3]); но тѣмъ даннымъ объ исторіи Ирана, которыми мы располагаемъ, трудно допустить возможность религіозныхъ войнъ на почвѣ зороастризма въ досасанидскую эпоху. Едва ли, однако, есть основаніе сомнѣваться въ томъ, что еще при Арсакидахъ подверглись дальнѣйшему развитію унаслѣдованныя отъ предшествующей эпохи преданія о Гистаспѣ. Среди различныхъ преданій о происхожденіи Арсакидовъ есть также преданіе, по которому предками династіи были Гистаспъ и его сынъ Исфендіяръ[4]). Преданіе о

1) Ērānšahr, S. 50.

2) Jāṭkāri Zarīrān, перев. В. Гейгера въ Sitzungsb. d. Bayer Akad., philos.-phil. Cl., Bd. II (1890), S. 43 f.

3) Амміанъ Марцеллинъ, XXIII, 6, 32, приведено у A. V. W. Jackson, Zoroaster, 1901, p. 167, 188 и 244. Амміанъ Марцеллинъ отожествляетъ этого Гистаспа съ отцемъ Дарія. Агаѳій (VI в.) сомнѣвается въ этомъ (ср. его слова у Jackson, p. 168). Изъ словъ современника Константина Вел., Лактанція (Patrol. lat. VI), VII, 15, видно, что существовало преданіе о «древнѣйшемъ мидійскомъ царѣ Гистаспѣ», задолго до основанія Трои видѣвшемъ сонъ о будущей гибели Рима. Слово «мидійскій» употреблено здѣсь, какъ часто въ античной литературѣ, въ смыслѣ «персидскій, иранскій», а не въ смыслѣ пріуроченія Гистаспа къ западной части Ирана; это видно уже изъ того, что съ именемъ Гистаспа тутъ же сближается названіе рѣки Гидаспъ (въ Индіи).

4) Табари I, 708 сл.

Лухраспѣ (отцѣ Гистаспа), перенесшемъ столицу изъ Истахра въ Балхъ, скорѣе всего могло возникнуть при династіи восточнаго происхожденія, постепенно распространявшей свою власть на западъ. Вопреки дѣйствительности, династію Арсакидовъ выводили изъ Балха[1]) (древнихъ Бактръ), въ чемъ можно видѣть отголосокъ эпохи Ахеменидовъ, когда Бактры были главнымъ городомъ восточной части Ирана. Если преданія о Зороастрѣ уже тогда входили въ составъ эпоса, то на содержаніи послѣдняго долженъ былъ отразиться фактъ пріуроченія жизни пророка къ Адербейджану, государству Атропата мидійскаго и его потомковъ. Извѣстно, что храмъ, находившійся въ столицѣ этой династіи, Ганзакѣ, оставался еще при Сасанидахъ главной если не національной, то государственной святыней всей страны[2]).

Къ эпохѣ Арсакидовъ или Сасанидовъ можно пріурочить внесеніе въ эпосъ еще одного восточнаго элемента — преданій о подвигахъ Рустема, уроженца области Сеистанъ, гдѣ уже въ эпоху арабскихъ завоевателей показывали стойло его коня[3]). Едва ли этотъ циклъ сказаній могъ возникнуть на Хильмендѣ до прихода туда саковъ, у прежняго населенія этой мѣстности, не отличавшагося, насколько извѣстно, воинственностью; если саки принесли его съ собой изъ своей прежней родины, то въ иранскій эпосъ онъ вошелъ уже послѣ локализаціи въ Сеистанѣ, что не могло произойти ранѣе II в. до Р. Хр. Наиболѣе блестящимъ періодомъ въ исторіи саковъ была, повидимому, вторая половина I в. до Р. Хр., когда парѳянскій царь Фраатъ IV вернулъ себѣ престолъ съ ихъ помощью (около 30 г.)[4]). Саки, однако, имѣли нѣкоторое значеніе въ исторіи Ирана и послѣ; еще въ III и V вв. по Р. Хр., при Сасанидахъ, персидскіе царевичи до вступленія на престолъ иногда правили Сеистаномъ и носили титулъ *саганшаховъ*[5]). Послѣ этого названіе сакскаго народа исчезаетъ изъ исторіи; авторы мусульманскаго періода даже не знали, что Сеистанъ получилъ свое названіе отъ саковъ[6]).

3.

Въ III в. по Р. Хр. отчасти повторились событія VI в. до Р. Хр.; династія, происходившая изъ Фарса и находившаяся въ вассальной зависимости отъ «царя царей» Ирана, возстала противъ своихъ государей и под-

1) Себеосъ, перев. Патканьяна, стр. 14. Моисей Хоренскій, перев. Эмина, 2-ое изд. Москва 1893, стр. 52.

2) Ибнъ-Хордадбехъ (Bibl. Geogr. Arab. VI), ۱۹—۱۲. О Ганзакѣ еще Erānšahr, S. 108.

3) Beladsori, p. 394 (у Nöldeke, Grundriss, S. 140 въ ссылкѣ опечатка: 354).

4) Gutschmid, Geschichte Irans, S. 103, 114 f. Grundriss, II, 502.

5) Nöldeke, Tabari, S. 49 u. 115.

6) Ср. этимологію Хамзы Исфаханскаго у Якута s. v. سجستان (III, 41).

чинила своей власти всю страну. Движеніе отчасти происходило во имя зороастризма, впервые объявленнаго государственной религіей; впослѣдствіи иногда называли основателя династіи, Ардашира, первымъ изъ царей, придерживавшихся этой вѣры[1]). Въ дѣйствительности Сасаниды только продолжали дѣло послѣднихъ Арсакидовъ. Литературнымъ языкомъ Ирана оставался «пехлевійскій», т. е. пароянскій; главной государственной святыней оставался храмъ, находившійся внѣ предѣловъ Фарса, въ мидійскомъ городѣ Ганзакѣ.

Объявленіе зороастризма государственной религіей должно было укрѣпить сословный строй, освященный религіей: дѣленіе народа на три почетныхъ сословія — жрецовъ, воиновъ и земледѣльцевъ — и противоставленіе имъ, въ качествѣ низшаго класса, сословія торговцевъ и ремесленниковъ. Историческія и историко-литературныя данныя позволяютъ установить, что расцвѣтъ этого сословнаго строя относится къ V в.; въ послѣдній періодъ господства Сасанидовъ замѣтны признаки появленія, рядомъ съ духовенствомъ и военной аристократіей, третьяго сословія—сословія свѣтскихъ чиновниковъ—и сліянія низшаго класса горожанъ въ одно сословіе съ земледѣльцами. Какъ вездѣ, съ исчезновеніемъ рыцарства и возвышеніемъ городовъ былъ связанъ упадокъ эпическаго творчества; но въ Персіи этотъ процессъ совершался крайне медленно; полный упадокъ военной аристократіи и полное развитіе городской жизни относятся къ XI—XII вв.[2]). Въ эпоху Сасанидовъ военная аристократія вела упорную и часто успѣшную борьбу за свое первенство; рыцарскій эпосъ былъ, конечно, однимъ изъ орудій этой борьбы; поэтому вполнѣ возможно, что число его поклонниковъ въ это время было больше, чѣмъ въ ту эпоху, когда сословный строй еще не былъ поколебленъ. Нельдеке указываетъ на фактъ, что именно со второй половины V в. въ родѣ Сасанидовъ особенно часто встрѣчаются имена эпическихъ героевъ, что свидѣтельствуетъ объ оживленіи старыхъ преданій[3]). Первое указаніе на существованіе оффиціальной версіи народныхъ историческихъ преданій приблизительно въ томъ видѣ, какъ мы ее имѣемъ, относится, по изслѣдованію Нельдеке, къ VI в., хотя окончательная редакція той книги, которая была переведена въ VIII—IX вв. на арабскій языкъ, была установлена, по его мнѣнію, только при послѣднемъ Сасанидѣ Іездегердѣ III (632—651), въ первые годы его царствованія[4]).

---

1) Ja'qūbi Hist. I, 179.

2) О сословіяхъ ср. мою статью въ Zeitschr. f. Assyr. XXVI, 259 f.; о развитіи городской жизни тамъ-же, S. 254 f.

3) Nöldeke, Tabari, S. 147. Grundriss, II, 134.

4) Nöldeke, Tabari, S. XV. Grundriss, S. 140 f.

Въ подлинникѣ до насъ дошелъ, кромѣ «полу-эпическаго»[1]) разсказа объ основателѣ династіи, только одинъ эпизодъ этого эпоса (въ сочиненіи Yâtkâri Zarîrân); едва ли можно объяснить случайностью фактъ, что этотъ единственный эпизодъ относится все къ тому же циклу преданій о Гистаспѣ. Встрѣчающіяся въ разсказѣ географическія и этнографическія названія и на этотъ разъ указываютъ на восточную окраину государства[2]).

На основаніи мусульманскихъ версій Нельдеке приводитъ другой примѣръ отраженія въ эпосѣ событій сасанидской эпохи, происходившихъ на восточной границѣ. Въ 484 г. сасанидскій царь Перозъ погибъ въ борьбѣ съ эфталитами около сѣверныхъ предѣловъ Гургана; нашествіе побѣдителей на страну было отражено благодаря одному вельможѣ изъ рода Каренидовъ; въ эпосѣ то же самое, въ томъ же мѣстѣ, происходитъ съ миѳическимъ царемъ Нодаромъ, и спасителемъ государства является членъ того же рода[3]). Замѣчательна также та извѣстность, которой уже въ то время пользовались во всемъ Ираиѣ подвиги сеистанскаго героя Рустема. Въ эпоху Мухаммеда о нихъ говорили даже въ Хирѣ, на Ефратѣ[4]); разсказы о Рустемѣ были извѣстны армянскому историку Моисею Хоренскому (VII — VIII вв.), между ними даже такіе, которыхъ нѣтъ въ дошедшихъ до насъ версіяхъ эпоса[5]).

Съ другой стороны, нѣтъ никакихъ признаковъ, чтобы воцареніе династіи, вышедшей изъ Фарса, сколько-нибудь оживило память о прежнихъ царяхъ Фарса, объединившихъ подъ своей властью Ираиъ въ VI в. до Р. Хр. Нельдеке отмѣчаетъ фактъ, что ахеменидскія имена Дарій и Артаксеркъ встрѣчаются въ Ираиѣ и въ македонско-парѳянскій періодъ; въ самомъ Фарсѣ память объ этихъ именахъ оставалась «очень живой»[6]); но свѣдѣній о древнихъ царяхъ, носившихъ эти имена, на ихъ родинѣ уже тогда, повидимому, не было. По словамъ Себеоса (VII в.) въ Сузахъ была какая-то мумія, которую христіане считали тѣломъ пророка Даніила,

---

1) Выраженіе Нельдеке (Grundriss, II, 135): halb episches Stück.

2) О хіонитахъ ср. выше стр. 267. Битва происходитъ около Мерва.

3) Grundriss, S. 138. شاهنامه бомб. изд. 1886 г., стр. 100 и слѣд. Неизвѣстно, впрочемъ, когда этотъ эпизодъ былъ введенъ въ эпосъ. У Табари царя Нодара нѣтъ, и Нодаръ, сынъ Менучехра, названъ только какъ предокъ Каренида (I, 878).

4) Ибн-Хишамъ, изд. Вюстенфельда, стр. 235; Grundriss, II, 139 (внизу).

5) Grundriss, II, 140. «Ростомъ Сагчикъ» т. е. Рустемъ сеистанскій, упоминается въ «Исторіи М. Хор.» только одинъ разъ (новый перев. Эмина, стр. 59); но при этомъ говорится, что онъ обладалъ силой 120 слоновъ, въ чемъ и Эминъ видитъ доказательство, что при М. Хор. «воспѣвали такіе подвиги Рустема, которые въ XI в. во время Фердуси (Фирдауси) были уже забыты» (ibid., стр. 246). Ср. также разсказъ М. Хор. (ibid., стр. 48) о борьбѣ Аждахака съ Хруденомъ (у Фирдауси Даххакъ и Феридунъ).

6) «Recht lebendig» (Grundriss, II, 141 N 1).

персы—тѣломъ миѳическаго царя Кай-Хусрау[1]). Очень вѣроятно, что уже тогда персепольскіе дворцы были пріурочены къ миѳическому Джемшиду. Такимъ образомъ, имена Ахеменидовъ даже въ ихъ собственныхъ столицахъ были вытѣснены именами миѳическихъ царей.

Изъ Сасанидовъ любимцемъ эпоса сдѣлался впослѣдствіи Вараханъ V (420—438), извѣстный у персовъ мусульманской эпохи подъ именемъ Бехрамъ-Гуръ. Его царствованіе было, повидимому, лучшимъ временемъ для духовенства и аристократіи. Въ своей личной жизни[2]) онъ болѣе другихъ Сасанидовъ, какъ показываютъ разсказы о его военныхъ и охотничьихъ подвигахъ, походилъ на идеальнаго иранскаго богатыря; его министръ Михръ-Нарсе, служившій также его предшественнику и преемнику, былъ идеальнымъ правителемъ государства въ духѣ сословнаго строя: какъ пророкъ Зороастръ былъ «первымъ жрецомъ, первымъ воиномъ и первымъ земледѣльцемъ»[3]), причемъ каждое изъ этихъ сословій пошло отъ одного изъ его трехъ сыновей, такъ Михръ-Нарсе поставилъ одного изъ своихъ сыновей во главѣ духовенства, другого во главѣ военной аристократіи, третьяго во главѣ земледѣльческаго сословія. Михръ-Нарсе, считавшійся потомкомъ древнихъ персидскихъ царей, былъ родомъ изъ Фарса; на своей родинѣ онъ построилъ нѣсколько деревень съ садами и храмами огню (между прочимъ по одному храму для себя и для своихъ трехъ сыновей), существовавшими еще въ мусульманскій періодъ[4]). Впослѣдствіи въ одномъ изъ западныхъ округовъ Фарса былъ замокъ, гдѣ хранились и передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе эпическія преданія[5]); среди собирателей эпоса и переводчиковъ его на арабскій языкъ[6]) названы также мубеды (представители зороастрійскаго духовенства) изъ Фарса. Очень вѣроятно, что все это также было плодомъ дѣятельности Михръ-Нарсе и его сыновей, хотя источники этого не говорятъ. Какъ приверженецъ стараго сословнаго строя, Михръ-Нарсе долженъ былъ быть покровителемъ народнаго эпоса.

Послѣ завоеванія Ирана арабами возрожденіе иранскаго эпоса было, какъ извѣстно, однимъ изъ первыхъ признаковъ возрожденія иранской національности; оно началось еще въ то время, когда въ мусульманскомъ мірѣ не было другого литературнаго языка, кромѣ арабскаго; первые пере-

1) Ibid. 140; ср. Себеосъ, перев. Патканьяна, стр. 51 (Кавъ-Хозрой).

2) Ср. характеристику у Nöldeke, Tabari, S. 98 f.

3) W. Geiger, Ostiranische Kultur, S. 483.

4) О Михръ-Нарсе и его учрежденіяхъ Nöldeke, Tabari, S. 109 f.

5) Текстъ Истахри (ed. de Goeje), стр. 118 и 150; ср. К. Иностранцевъ, Сасанидскіе этюды, стр. 8 и слѣд. и мою статью въ Zeitschr. f. Assyr. XXVI, 263.

6) О нихъ см. ниже.

воды иранскихъ историческихъ сказаній на арабскій языкъ появились почти на столѣтіе раньше, чѣмъ первыя произведенія новоперсидской литературы. Въ царствованіе халифа Хишама (724—743) мы видимъ первый (и, повидимому, послѣдній) примѣръ возстановленія арабскимъ намѣстникомъ стараго иранскаго города, съ уничтоженіемъ возникшаго въ эпоху завоеванія, въ окрестностяхъ того же города, арабскаго поселенія[1]); къ этому же царствованію относится первое извѣстіе о переводѣ на арабскій языкъ персидскаго историческаго произведенія. Мас'уди въ 303 (915—6) г. видѣлъ въ Истахрѣ рукопись, содержавшую исторію Сасанидовъ, причемъ сообщались такія данныя, которыхъ не было въ оффиціальныхъ версіяхъ эпоса — Худай-Намэ, Аинъ-Намэ и Гахъ-Намэ; въ ней, между прочимъ, были изображены всѣ правители (25 царей и 2 царицы) этой династіи, правившей, по той же рукописи, 433 г. 1 мѣсяцъ 7 дней. Въ рукописи было сказано, что оригиналъ былъ найденъ въ сокровищницѣ персидскихъ царей; съ него былъ сдѣланъ списокъ и переведенъ съ персидскаго на арабскій для халифа Хишама въ половинѣ мѣсяца джумâдâ II 113 г. (конецъ августа 731)[2]). Свидѣтельствомъ Мас'уди, на которое указалъ, въ рецензіи на книгу Нельдеке, Гутшмидъ[3]), опровергается мнѣніе Нельдеке, что при халифѣ Хишамѣ такія персидскія сочиненія еще не переводились на арабскій языкъ. Послѣ этого можно считать правдоподобнымъ, что Джабала ибн-Салимъ, переводчикъ книги о Рустемѣ и Исфендіярѣ и романа о Бехрамъ-Чубинѣ, названный въ «Фихристѣ» «секретаремъ Хишама», былъ секретаремъ халифа, а не писателя Хишама ибн-Мухаммеда (Ибн-ал-Кельби), какъ полагалъ Нельдеке[4]).

Изъ словъ автора «Фихриста» и Мас'уди видно, что первыми переводчиками персидскихъ книгъ, кромѣ популярныхъ и въ сасанидскую эпоху легендъ о Рустемѣ и Исфендіярѣ, были приняты во вниманіе только разсказы о царствованіи Сасанидовъ. Даже жившій въ слѣдующемъ столѣтіи историкъ Я'куби говоритъ, что среди персовъ «люди умные, знающіе и благороднаго происхожденія, изъ потомковъ ихъ царей и дихановъ», начинали исторію своей страны только съ Сасанидовъ и отвергали всѣ разсказы о болѣе отдаленномъ прошломъ, наполненные сказками о людяхъ съ нѣсколькими ртами и глазами, съ мѣднымъ лицомъ, о змѣяхъ, жившихъ на плечахъ человѣка и съѣдавшихъ мозгъ другихъ людей, о людяхъ, жившихъ долгіе вѣка и освобождавшихъ человѣчество отъ смерти. Въ отрицаніи эпиче-

1) Tabari, II, 1490; о значеніи этого событія Zeitschrift f. Assyr. XXVI, 261.
2) Kitâb at-Tanbîh, ed. de Goeje, p. 106.
3) A. v. Gutschmid, Kleine Schriften, III, 150 f.
4) Nöldeke, Tabari, S. 475.

скихъ преданій Я'куби идетъ такъ далеко, что для него первымъ персидскимъ царемъ, принявшимъ религію маговъ, былъ основатель династіи Сасанидовъ; всѣхъ прежнихъ царей, среди которыхъ упоминается и Гистаспъ, онъ считаетъ «сабейцами», говорившими и писавшими только по-сирійски[1]).

Для народныхъ массъ, вѣроятно также для большинства аристократіи эпосъ сохранялъ прежнее значеніе; по прежнему эпическія преданія пріурочивались къ опредѣленнымъ мѣстностямъ, особенно въ восточныхъ областяхъ Ирана. Памятникомъ принятія Гистаспомъ религіи Зороастра считались два кипариса въ Хорасанѣ, въ селеніяхъ Кишмаръ и Фарьюмадъ[2]). Первый былъ срубленъ въ 232 г. (846—7) по приказанію халифа Мутеваккиля; при этомъ разсказывается, что подъ тѣнью дерева могли помѣститься до 10000 барановъ, въ его вѣтвяхъ гнѣздилось множество птицъ; при паденіи дерева животныя и птицы выражали свое горе жалобными звуками, такъ что люди пришли въ изумленіе. Халифъ велѣлъ привезти дерево въ Багдадъ, но ему не суждено было его увидѣть; за день до его прибытія онъ былъ убитъ своей гвардіей; изъ другихъ лицъ, принимавшихъ участіе въ этомъ дѣлѣ, никто не прожилъ послѣ этого болѣе года. Кипарисъ въ Фарьюмадѣ простоялъ дольше и былъ уничтоженъ огнемъ въ 537 г. (1142—3), по приказанію хорезмійскаго царевича Яналъ-тегина. Ученый мусульманскій авторъ XII в., сообщающій объ этомъ, прибавляетъ, что никакихъ несчастій на этотъ разъ не произошло, и объясняетъ это тѣмъ, что кипарисъ, посаженный «огнепоклонникомъ» Зороастромъ, былъ уничтоженъ огнемъ: «возможно, что если бы его срубили (какъ первое), то произошли бы удивительныя вещи»[3]). Изъ этого можно видѣть, какъ прочно среди мѣстнаго населенія, даже послѣ принятія имъ ислама, сохранялась вѣра въ священную силу дерева. Хорасанскій авторъ при этомъ опредѣляетъ время обращенія Гистаспа; его дата нѣсколько расходится съ общепринятой у парсовъ хронологіей, но его вычисленія не свободны отъ ошибокъ. По его словамъ, первое дерево простояло 1405 лѣтъ, изъ чего можно заключить, что оно было посажено въ 559 г. до Р. Хр. Дальше говорится, что послѣ уничтоженія

1) Ja'qûbî, Hist., I, 178—179.

2) Исторія ихъ разсказана Абу-л-Хасаномъ Бейхаки (о немъ и его трудахъ см. мою статью въ Enz. des Islam, I, 615 f., также Yâqût's Irshâd al-Arîb etc., ed. Margoliouth, V, 208—218), Cod. Mus. Brit. Or. 3587, f. 164b—166a. Разсказъ о первомъ кипарисѣ приводится съ ссылкой на ثمار القلوب Абу-Мансура Са'âлиби; о рукописяхъ этого труда см. Brockelmann, I, 285, № 9. Хаммеромъ (ZDMG V—VII) изложено содержаніе большей части главъ; въ этихъ главахъ разсказа о кипарисахъ нѣтъ; возможно, что онъ находится въ 50 главѣ, спеціально посвященной нѣкоторымъ деревьямъ, цвѣтамъ и т. п. (л. 214b—228a берлинской рукописи; ср. обзоръ содержанія въ каталогѣ Ahlwardt № 8342).

3) F.166a: وآن درخت زردشت آتش‌پرست کشته بود وممکن بودی که اگر بریدندی اتفاق عجب بدید آمدی.

перваго дерева второе простояло еще 291 годъ; между тѣмъ промежутокъ времени между приведенными датами—305 лунныхъ лѣтъ или 296 солнечныхъ. Продолжительность жизни второго дерева опредѣляется въ 1691 годъ; между тѣмъ, если оно было посажено одновременно съ первымъ, то выходитъ на 10 лѣтъ больше.

Къ тому же циклу преданій относится миѳическій «мѣдный замокъ» (Диз-и-руинъ), гдѣ Исфендіяръ[1]) убилъ главнаго врага вѣры Зороастра, Арджаспа. Не позже II в. хиджры этотъ замокъ былъ отожествленъ съ бухарскимъ городомъ Пейкендомъ. Къ бухарской области была также пріурочена легенда объ Афрасіабѣ, Сіявушѣ и Кай-Хусрау, причемъ эта легенда разсказывается бухарскимъ историкомъ Нершахи нѣсколько иначе, чѣмъ въ дошедшихъ до насъ арабскихъ сочиненіяхъ и у Фирдауси. По этой версіи[2]) Сіявушъ бѣжалъ отъ своего отца Кай-Кавуса черезъ Аму-Дарью и прибылъ къ Афрасіабу; Афрасіабъ, жившій въ селеніи Рамитанъ (это селеніе часто называли «старой Бухарой»), оказалъ ему хорошій пріемъ и выдалъ за него свою дочь. Сіявушемъ была выстроена цитадель города Бухары. Черезъ нѣкоторое время его оклеветали передъ Афрасіабомъ, который велѣлъ его убить; могилу его помѣщали въ бухарской цитадели, у восточныхъ воротъ ея; мѣсто еще въ IV в. хиджры почиталось бухарскими зороастрійцами; въ день науруза, передъ восходомъ солнца, здѣсь приносился въ жертву пѣтухъ. У Сіявуша былъ сынъ Кай-Хусрау; чтобы отомстить за смерть отца, онъ пришелъ въ ту область съ большимъ войскомъ и осадилъ Афрасіаба въ Рамитанѣ; во время осады имъ напротивъ Рамитана было выстроено селеніе Рамушъ, получившее такое названіе за красоту мѣстоположенія, и въ немъ капище огню, которое, по мнѣнію зороастрійцевъ, было древнѣе бухарскихъ капищъ[3]). Послѣ двухлѣтней осады Афрасіабъ былъ взятъ въ плѣнъ и убитъ; его могилой считался высокій курганъ въ сѣверо-западной части города Бухары, рядомъ съ кургапомъ имама Абу-Хафса. Афрасіабъ былъ колдуномъ и жилъ 2000 лѣтъ; со времени разсказанныхъ событій до IV в. хиджры прошло 3000 лѣтъ. По хронологіи парсовъ[4]) Кай-Хусрау правилъ съ 840 до 780 г. до Р. Хр., т. е. всего за 1700 лѣтъ съ небольшимъ до составленія книги Нершахи.

---

1) Ср. легенду о «копьѣ храбраго Спандіата» (Исфендіяра) у Себеоса, перев. Патканьяна, стр. 31. J. Marquart, ZDMG XLIX, 639; Ērānšahr, S. 83.

2) Nerchakhy, ed. Schefer, p. 14—15, 21—22.

3) Объ этомъ храмѣ (بيت نار) говоритъ также Бируни (Chronologie, ed. Sachau, p. 234,11).

4) Jackson, Zoroaster, p. 180.

О судьбѣ Сіявуша у бухарцевъ были пѣсни, положенныя на музыку и называвшіяся «плачемъ маговъ» или «местью за Сіявуша»[1]).

Преданія о Сіявушѣ были локализованы также въ Хорезмѣ, причемъ, однако, говорится только въ краткихъ словахъ о прибытіи Сіявуша въ эту страну и о переходѣ ея во власть Кай-Хусрау послѣ его побѣды надъ турками. При этомъ указывается нѣсколько болѣе поздняя дата, чѣмъ у Нершахи. По Бируни[2]) начало культуры въ Хорезмѣ относилось къ 980 г. до начала эры Александра, т. е. къ 1292 г. до Р. Хр.; черезъ 92 года, т. е. въ 1200 г., утвердилъ въ Хорезмѣ свою власть Кай-Хусрау, считавшійся предкомъ до-мусульманской династіи хорезмшаховъ.

Литературная обработка персидскаго эпоса на арабскомъ языкѣ происходила во II и III вв. хиджры, какъ я постарался доказать въ другомъ мѣстѣ[3]), главнымъ образомъ въ трехъ мѣстностяхъ: въ западной части Фарса, гдѣ въ «гипсовомъ замкѣ» изъ поколѣнія въ поколѣніе передавались преданія о прежнихъ царяхъ и ихъ сподвижникахъ; въ Исфаханѣ, который вообще былъ центромъ умственной жизни Персіи; въ Хорасанѣ, гдѣ въ столицѣ арабскихъ намѣстниковъ, Мервѣ, была библіотека пехлевійскихъ рукописей, по преданію привезенныхъ туда во время бѣгства послѣдняго сасанидскаго царя Іездегерда III. Намъ извѣстны заглавія восьми переводовъ[4]); изъ переводчиковъ трое были исфаханцами. Изъ остальныхъ первый по времени переводчикъ Худай-Намэ, Ибн-ал-Мукаффаʿ, жилъ въ Басрѣ, гдѣ былъ казненъ по приказанію халифа Мансура (754—775); второй, Мухаммедъ ибн-ал-Джахмъ ал-Бармаки, былъ, по всей вѣроятности, кліентомъ министровъ Бармакидовъ, низложенныхъ въ 187=803 г.; въ Хорасанѣ, по всей вѣроятности, была составлена анонимная «исторія царей персидскихъ», извлеченная изъ библіотеки халифа Мамуна (813—833); Фарсу принадлежитъ Бехрамъ ибн-Мерданшахъ, мубедъ округа города Шапура, составившій хронологическій обзоръ персидскихъ царей на основаніи двадцати экземпляровъ Худай-Намэ. О происхожденіи послѣдняго переводчика Мусы ибн-Исы ал-Кисрави, писавшаго, повидимому, во второй

1) Nerchakhy, p. 15 كين سياوش p. 21 كريستن مغان.

2) Albêrûni, ed. Sachau, S. 35. О хронологіи еще E. Sachau, Zur Geschichte und Chronologie von Khwârizm I, 14—19 (SBW, phil.-hist. Cl. LXXIII, 484—489). Какъ доказалъ Захау, дата Бируни согласна съ хронологіей «Муджмиля», по которой Кай-Кубадъ вступилъ на престолъ за 1063 г. до эры Александра. Если онъ (какъ у Фирдауси), правилъ 100 лѣтъ, то его преемникъ Кай-Каусъ вступилъ на престолъ въ 963 г. и правилъ 150 лѣтъ, до 813 г.; если, какъ полагали, бѣгство Сіявуша относилось къ началу второй половины его царствованія, то получается 888 г. до Александра, т. е. именно дата Бируни.

3) Zeitschr. f. Assyr. XXVI, 263 f.

4) Ср. текстъ Хамзы и مجمل التواريخ у бар. Розена, Вост. Замѣтки, стр. 174 и слѣд. К. А. Иностранцевъ, Сасан. этюды, стр. 31 и слѣд., по «Фихристу», стр. 244 и слѣд.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СС

половинѣ IX в. по Р. Хр., ничего не извѣстно: по всей вѣроятности, онъ жилъ въ западной Персіи.

Книга «Худай-Намэ» въ переводахъ на арабскій языкъ называлась «исторіей (تاريخ) царей персидскихъ» или «жизнеописаніями (سير) царей персидскихъ»; въ новоперсидской литературѣ книгѣ было присвоено названіе «Шахъ-Намэ». Замѣна слова «худай» словомъ «шахъ» произошла подъ вліяніемъ ислама, когда прежнее, установившееся со времени Александра и Селевкидовъ[1]) обожествленіе царя сдѣлалось невозможнымъ, а слову «худа» или «худай», долго сохранявшему, особенно въ восточныхъ областяхъ, значеніе «государь, владѣтель»[2]), было присвоено исключительно значеніе «Богъ».

Арабскіе переводы «Худай-Намэ» намъ извѣстны только по позднѣйшимъ извлеченіямъ и ссылкамъ. Бар. Розенъ, на основаніи словъ Хамзы исфаханскаго, различаетъ три категоріи переводовъ: переводы процензированные, переводы съ дополненіями и переводы, представляющіе самостоятельную передѣлку текста[3]). Къ этому можно прибавить, что самымъ полнымъ считался переводъ Ибн-ал-Мукаффа', вѣроятно, первый по времени; въ отличіе отъ другихъ его называли «большимъ Шахъ-Намэ»[4]). Какъ доказалъ Нельдеке, изъ дошедшихъ до насъ авторовъ болѣе всего придерживаются текста Ибн-ал-Мукаффа' Ибн-Кутейба и Евтихій; по этимъ сочиненіямъ мы отчасти можемъ судить, что у Табари и другихъ компиляторовъ восходитъ къ Ибн-ал-Мукаффа' и что заимствовано изъ другихъ источниковъ[5]).

Книга заключала въ себѣ легендарную исторію Персіи съ древнѣйшихъ временъ; исторія Сасанидовъ излагалась точнѣе и подробнѣе, чѣмъ исторія предшествующихъ династій, но тоже въ эпическомъ освѣщеніи; кромѣ того весь разсказъ былъ пропикнутъ сочувствіемъ къ тому сословію, среди котораго слагался эпосъ, т. е. къ военной аристократіи. Излагая въ духѣ эпоса событія исторической эпохи, въ то же время старались придать эпиче-

---

1) Извѣстно, что въ ахеменидскихъ надписяхъ персидскій царь называется только ставленникомъ Бога, но не богомъ.

2) Потомковъ мервскаго князя ماهويه за участіе ихъ предка въ дѣлѣ убіенія Іездегерда III называли خداه كشان (Хамза, ed. Gottwaldt, p. 63; J. Marquart, Eränšahr, S. 76). Титулы среднеазіатскихъ князей (Бухаръ-худатъ, Вардань-худатъ, Саганъ-худатъ, Саманъ-худатъ и друг.) заставляютъ полагать, что слово «худатъ» (діалектическая форма) или «худа» было особенно распространено въ восточно-иранскихъ областяхъ. Ср. еще خداه كوركان у Бируни, Chronol., S. 102,11.

3) Вост. Замѣтки, стр. 182 и сл.

4) Бал'ами въ перев. Dubeux, стр. 3, въ перев. Zotenberg, стр. 4. Индійское (каунпурское) изд. 1896 г., стр. 3.

5) Nöldeke, Tabari, S. XXI.

скимъ повѣствованіямъ характеръ историческихъ разсказовъ и установить точную хронологію царствованія легендарныхъ царей. О хронологіи пехлевійскаго подлинника намъ трудно судить; переводчики находили въ различныхъ версіяхъ различныя хронологическія опредѣленія и посредствомъ различныхъ комбинацій старались устранить эти противорѣчія; не довольствуясь этимъ, старались установить болѣе точную хронологію посредствомъ сопоставленія разсказовъ Худай-Намэ съ историческими преданіями другихъ народовъ. Изъ словъ астронома Абу-Ма'шара (ум. 272= 885), приводимыхъ Хамзой, мы знаемъ, что у персовъ уже въ то время была «каноническая» хронологія и что въ Авестѣ совершенно точно опредѣлялось время—4182 г. 10 мѣс. 19 дней—отъ «Гаюмарса, отца человѣчества» до «года царствованія Іездегерда» (III), т. е. вѣроятно до даты его вступленія на престолъ (16 іюня 632 г.), съ которой начиналась новая эра[1]). Переводчики Худай-Намэ всѣ, повидимому, вышли изъ персидскаго народа; исламъ приняли или они сами, или ихъ отцы и ближайшіе предки; нѣкоторые изъ нихъ даже оставались вѣрными своей національной религіи; между тѣмъ ни одинъ изъ нихъ не считалъ для себя авторитетной хронологію Авесты. Даже мубедъ Бехрамъ, духовное лицо религіи Зороастра, составилъ свою хронологическую систему не на основаніи Авесты, но на основаніи различныхъ версій Худай-Намэ[2]); какъ у нѣкоторыхъ другихъ авторовъ, у него легендарный Бехменъ отожествляется съ историческимъ Артаксерксомъ I, имя котораго было заимствовано изъ греческихъ источниковъ. Дошедшіе до насъ списки персидскихъ царей, съ указаніемъ лѣтъ ихъ царствованія, сильно разнятся между собой; кромѣ продолжительности отдѣльныхъ царствованій указывается также продолжительность господства каждой династіи, но при провѣркѣ, т. е. при сложеніи чиселъ, почти всегда получается другой итогъ. Хронологическія опредѣленія затруднялись отсутствіемъ у персовъ, до 632 г., установленной эры; считали только по годамъ царствованій. Для провѣрки датъ ученые иногда пользовались эрой Селевкидовъ, притомъ не всегда удачно. Годъ начала этой эры ошибочно считался у сирійцевъ годомъ смерти Александра; кромѣ того Муса Кисреви въ своихъ разсчетахъ принялъ на вѣру ошибочное указаніе Худай-Намэ, что Арсакиды правили всего 266 лѣтъ; на основаніи этого онъ пришелъ къ заключенію, что Сасаниды правили гораздо дольше, чѣмъ обыкновенно думали, и что

1) Хамза, ed. Gottwaldt, p. 11. Тѣ же цифры (4182 г. 10 м. 19 дней) приводитъ со словъ «маговъ» (المجوس) Табари (I, 1068,5—7).

2) Ср. его хронологію у Хамзы, p. 24—29 и у Бируни, Chronol., p. 108—109, 115, 125—126, также замѣчаніе Гутшмида, приводимое у Nöldeke, Tabari, S. 401, N. 2, по которому списки Бахрама составлены на основаніи еврейскаго источника.

списокъ царей этой династіи долженъ быть пополненъ еще нѣсколькими именами [1]).

Кромѣ указанныхъ именъ, встрѣчаются ссылки еще на другихъ авторовъ, писавшихъ о персидскихъ царяхъ или о хронологіи персидской исторіи. Такъ упоминается мубедъ Абу-Джа'фаръ Заратушт, современникъ халифа Му'тасима (833—842), вѣроятно, происходившій изъ Фарса, такъ какъ у него заимствуются свѣдѣнія о министрѣ Михръ-Нарсе и основанныхъ имъ учрежденіяхъ [2]). О персидской хронологіи писалъ, по словамъ Бируни, его старшій современникъ, «математикъ» (ал-хасибъ) Абу-л-Фараджъ Ибрахимъ ибн-Ахмедъ ибн-Халафъ аз-Зенджани [3]). Авторъ перваго персидскаго «Шахъ-Намэ» (о немъ см. дальше) воспользовался пятью изъ названныхъ у Хамзы переводовъ Худай-Намэ и послѣ этого сличилъ свой трудъ съ трудомъ Бехрама, гебра изъ Герата.

Кромѣ хронологическаго разногласія есть и другіе признаки, что ни послѣдующіе компиляторы, ни даже первые переводчики не ограничивались передачей пехлевійскаго текста. Въ другомъ мѣстѣ [4]) мною были сопоставлены различныя извѣстія о мѣстѣ рожденія Хосроя Ануширвана, причемъ разногласіе источниковъ, повидимому, объясняется существованіемъ трехъ мѣстностей, гдѣ по преимуществу поддерживались персидскія литературныя традиціи: гипсоваго замка въ западной части Фарса (на границѣ съ Хузистаномъ), Исфахана съ его окрестностями и Хорасана; каждая изъ этихъ мѣстностей хотѣла присвоить себѣ величайшаго изъ сасанидскихъ царей. Въ эпоху господства Бармакидовъ, считавшихся потомками сасанидскихъ министровъ, въ переводы и передѣлки Худай-Намэ было внесено имя «Бармакъ», какъ имя министра одного изъ послѣднихъ Сасанидовъ [5]). Вопреки мнѣнію бар. Розена [6]), не невозможно, что это имя было уже въ текстѣ Ибн-ал-Мукаффа'; всемогущество Бармакидовъ относится къ болѣе позднему времени, но уже возвышеніе Халида ибн-Бармака (современника Ибн-ал-Мукаффа') и въ особенности его личная близость къ халифу [7]) не могли не произвести впечатлѣнія на персовъ.

Въ восточной романической литературѣ издавна былъ популяренъ образъ идеальнаго министра—правдолюбца, учителя жизни, отстаивающаго

---

1) Ср. его разсужденія у Хамзы, стр. 16 и слѣд.

2) Nöldeke, Tabari, S. XXIII u. 502.

3) Слово الحاسب есть у Albêrûnî, Chronol., S. 116,1 и 215,16. Другія ссылки приведены въ указателѣ Sachau, стр. 7.

4) Zeitschr. f. Assyr. XXVI, 265.

5) Nöldeke, Tabari, S. 383 N. 2.

6) Вост. Замѣтки, стр. 177.

7) Tabari, II, 840,3—6. Ср. мою статью о Бармакидахъ въ Enzykl. des Islam, I, 691 f.

правду даже противъ своего государя; археологическія открытія въ Египтѣ доказали, что книга о такомъ министрѣ была первымъ дошедшимъ до насъ произведеніемъ международной литературы[1]). Безъ такого образа не могъ обойтись и эпосъ. Иранскій эпосъ, какъ извѣстно, получилъ окончательную литературную обработку въ Хорасанѣ; этимъ объясняется, что въ качествѣ идеальнаго министра историческій Михръ-Нарсе, уроженецъ Фарса, былъ замѣненъ легендарнымъ Бузурджмихромъ, уроженцемъ Хорасана. У Ибн-Мукаффа', насколько можно судить по тексту Евтихія, этого именно не было, и вообще не было свѣдѣній о какомъ либо министрѣ или совѣтникѣ Хосроя Ануширвана. Возможно, что на образованіе легенды оказалъ вліяніе разсказъ о Зермихрѣ (въ печатномъ изданіи[2]) Евтихія بزرمهر), который жилъ при Кубадѣ (отцѣ Хосроя), возвратилъ своему государю престолъ, отнятый у него братомъ Джамаспомъ, но впослѣдствіи былъ имъ казненъ. Въ III в. хиджры Абу-Ханифа Динавери уже упоминаетъ о Бузурджмихрѣ, какъ «величайшемъ ученомъ» эпохи Хосроя, который ставилъ его «выше своихъ министровъ и ученыхъ своего времени»[3]); при этомъ, однако, о судьбѣ Бузурджмихра не говорится. Ибрахиму Бейхаки[4]) и анонимному автору книги «Ал-махâсинъ уа-л-аддâдъ»[5]) уже извѣстно, что Бузурджмихръ былъ казненъ; впослѣдствіи одни авторы, какъ Абу-л-Фазлъ Бейхаки, относили эту казнь еще къ царствованію Хосроя[6]), другіе — къ царствованію его сына Хормузда[7]) (по Фирдауси[8]) Бузурджмихръ при Хосроѣ былъ заключенъ въ тюрьму, но потомъ вновь получилъ свободу) или даже внука — Хосроя II[9]); между легендой о причинахъ казни, разсказанной Абу-л-Фазломъ Бейхаки, разсказомъ о томъ же событіи у Мас'уди и легендами о Бузурджмихрѣ, вошедшими въ Шахъ-Намэ, нѣтъ ничего общаго. Замѣчательно, что всѣ персидскіе авторы, не исключая Фирдауси, знаютъ имя Бузурджмихра только въ его арабской формѣ (Бузурджмихръ вм. Бузургмихръ); между тѣмъ по содержанію нѣкоторые изъ разсказовъ Фирдауси вполнѣ соотвѣтствуютъ пехлевійскому трактату о хорасанскомъ министрѣ. На этомъ основаніи Дармстетеръ, въ противоположность

---

1) E. Meyer, Der Papyrusfund von Elephantine, Lpz. 1912, S. 102—128.

2) Eutychii Annales, interprete E. Pocockio, II, 177. زرمهر у Tabari, I, 886,14—17 и друг.

3) Abû Hanîfa ad-Dinawerî, p. 73,10.

4) Ibrâhîm ibn Muhammed al-Baihaqi, herausg. v. F. Schwally, Giessen 1902, S. 202,14.

5) Le livre des beautés etc. publ. par G. van Vloten, Leyde 1898, p. 79,3.

6) Ta'rikh-i Baihaki, ed. Morley, p. 412—415.

7) شاهنامه, p. 944 (بزرمهر).

8) Ibid., p. 921 и слѣд.

9) Maçoudi, Praries d'or, II, 224 и слѣд.

мнѣнію Нельдеке, пришелъ къ выводу, что Фирдауси зналъ пехлевійскій языкъ[1]).

По вопросу о томъ, восходитъ ли новоперсидская версія эпоса къ пехлевійскимъ оригиналамъ или къ арабскимъ переводамъ, учеными вообще были высказаны различныя мнѣнія. Изъ словъ самого Фирдауси и авторовъ предисловій къ его поэмѣ Нельдеке вывелъ заключеніе, что источники Фирдауси были совершенно независимы отъ арабской литературы; фактъ, что изложеніе Фирдауси во многомъ совпадаетъ съ изложеніемъ арабовъ, только доказываетъ, по мнѣнію Нельдеке, что арабскими переводчиками, въ общемъ, точно передавъ текстъ сасанидскаго Худай-Намэ[2]). Съ другой стороны бар. Розенъ, на основаніи словъ Бируни о первоначальномъ Шахъ-Намэ, полагаетъ, что содержаніе поэмы Фирдауси восходитъ къ арабскимъ переводамъ; случаи разногласія между поэмой Фирдауси и дошедшими до насъ сочиненіями арабскихъ историковъ, насколько это разногласіе не можетъ быть отнесено на долю фантазіи поэта, объясняются существованіемъ *нѣсколькихъ* арабскихъ переводовъ и передѣлокъ[3]).

Иниціатива созданія перваго ново-персидскаго «Шахъ-Намэ» приписывается у Бируни и въ предисловіи къ Шахъ-Намэ Фирдауси одному и тому же лицу — Абу-Мансуру Мухаммеду ибн-Абд-ар-Реззаку. Изъ исторіи извѣстно[4]), что этотъ Абу-Мансуръ былъ правителемъ Туса; въ 349—960 г. онъ былъ назначенъ спипехсаларомъ Хорасана, но уже въ 961 г. долженъ былъ уступить мѣсто Алпъ-тегину и вернуться въ Тусъ. При вступленіи на престолъ саманидскаго эмира Мансура (961—976) Алпъ-тегинъ произвелъ возстаніе противъ новаго государя и былъ побѣжденъ съ помощью Абу-Мансура; послѣдній снова былъ назначенъ спипехсаларомъ, но вступилъ въ сношеніе съ Буидами; бухарское правительство въ 962 г. выслало противъ него войско, и въ этой борьбѣ онъ былъ убитъ. Къ этому Абу-Мансуру относятъ слова Фирдауси о «пехлеванѣ (богатырѣ) дихканскаго происхожденія», собравшемъ въ одно цѣлое «разсѣянные по рукамъ мубедовъ» отрывки иранскаго эпоса; для этого онъ отовсюду созвалъ «старыхъ мубедовъ» и собралъ разсказы изъ ихъ устъ. Книга уже получила извѣстность, когда молодой поэтъ Дакики — не сказано, когда и для кого — рѣшилъ переложить ее въ стихи, но успѣлъ до своей смерти написать только 1000 стиховъ о Гуштаспѣ и его борьбѣ съ Арджаспомъ.

---

1) Revue Critique, N. S. XXI (1886), № 1, p. 1—8; цитуется у К. Г. Залеманна, Mél. Asiat., IX, 215.

2) Nöldeke, Tabari, S. XIX.

3) Вост. замѣтки, стр. 191.

4) Ср. мой «Туркестанъ», II, 261—263 (такъ же ссылки на источники).

Послѣ его смерти ту же задачу принялъ на себя Фирдауси, включившій въ свою поэму, какъ извѣстно, также стихи Дакики[1]).

Бируни въ одномъ мѣстѣ[2]) говоритъ о Шахъ-Намэ «поэта» Абу-Али Мухаммеда ибн-Ахмеда ал-Балхи, въ другомъ мѣстѣ[3]) о Шахъ-Намэ, составленномъ для Абу-Мансура ибн-Абд-ар-Реззака. Въ первомъ случаѣ приводится разсказъ о миѳическомъ предкѣ персидскаго народа, Гаюмарсѣ, въ другомъ—разсказъ объ Ашканіяхъ (Арсакидахъ); полнаго совпаденія, по содержанію, съ текстомъ Шахъ-Намэ Фирдауси нѣтъ ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ.

По справедливому замѣчанію бар. Розена[4]), текстъ Бируни не даетъ намъ никакого основанія утверждать, что подъ словомъ «Шахъ-Намэ» имъ упоминаются два различныхъ сочиненія. Слово «поэтъ» (аш-ша'иръ) заставляетъ полагать, что въ рукахъ Бируни была поэтическая обработка собранныхъ для Абу-Мансура сказаній; отсюда напрашивается выводъ, что Абу-Али Мухаммедъ ибн-Ахмедъ ал-Балхи и поэтъ Дакики—одно и то же лицо. Имя Дакики, дѣйствительно, было Мухаммедъ ибн-Ахмедъ[5]); по нѣкоторымъ извѣстіямъ онъ происходилъ изъ Балха; но о томъ, чтобы онъ носилъ кунью Абу-Али, извѣстій нѣтъ; вездѣ, повидимому, ему приписывается кунья Абу-Мансуръ; возможно, что онъ принялъ впослѣдствіи кунью своего покровителя (такимъ же образомъ едва ли можно объяснить случайностью совпаденіе куньи Фирдауси съ куньей Махмуда газневидскаго). Главнымъ доводомъ противъ нашего мнѣнія является, конечно, категорическое утвержденіе Фирдауси, что Дакики успѣлъ сочинить только тѣ 1000 стиховъ, которые были включены Фирдауси въ его поэму. По другимъ извѣстіямъ, однако, произведеніе Дакики было гораздо обширнѣе[6]); кромѣ того отрывокъ изъ Дакики, включенный въ Шахъ-Намэ, не только, какъ отмѣтилъ Нельдеке[7]), оканчивается, но и начинается на полу-словѣ;

---

1) شاهنامه, стр. 4—5; 566 (гдѣ имя Дакики).

2) Chronologie, ed. Sachau, S. 99.

3) Ibid., S. 116.

4) Вост. замѣтки, стр. 190 и сл. Ср. ЗВО XVIII, прил., 13—14.

5) Grundriss, II, 222. У Nöldeke (ibid., S. 147) Muhammed ibn Muhammed ibn Ahmed, также у Ethé въ Morg. Forschungen, S. 57. Нельдеке сомнѣвается, что Дакики, какъ зороастріецъ, могъ носить такія имена. Лично мнѣ кажется вполнѣ правдоподобнымъ мнѣніе Э. Броуна (Lit. hist. of Persia, I, 459), что въ извѣстныхъ стихахъ Дакики о четырехъ нужныхъ ему вещахъ (рубиновыя губы возлюбленной, звуки арфы, вино и вѣра Зороастра) нѣтъ указанія на исповѣдуемую имъ религію. Это—слова мусульманскаго вольнодумца, но не гебра. Какъ признаетъ и Нельдеке, въ части Шахъ-Намэ, принадлежащей Дакики, не видно близкаго знакомства автора съ зороастризмомъ.

6) Хамдаллахъ Казвини (The Ta'rikh-i-Guzida, ed. Browne, p. 818) говоритъ о 3000 стихахъ, Ауфи (The Lubábu'l-Albáb, ed. Browne, II, 33) даже о 20000.

7) Grundriss, II, 148.

несомнѣнно, что этому отрывку должно было предшествовать введеніе, которое могло заключать въ себѣ краткія историческія и хронологическія свѣдѣнія о царяхъ Ирана.

Изъ словъ Фирдауси мы кромѣ того узнаемъ, что у Абу-Мансура и Дакики были предшественники. Часть сказаній о Рустемѣ передается со словъ нѣкоего Серва, «жившаго въ Мервѣ съ Ахмедомъ ибн-Сахлемъ»[1]). Ахмедъ ибн-Сахль, одинъ изъ знатныхъ мервскихъ дихкановъ, былъ современникомъ первыхъ Саманидовъ—Исмаила, Ахмеда и Насра; при Насрѣ онъ короткое время управлялъ всѣмъ Хорасаномъ, возсталъ противъ своего государя и исключилъ его имя изъ хутбы; возстаніе было подавлено, и Ахмедъ умеръ въ бухарской тюрьмѣ въ зу-ль-хиджжа 307 г. (23 апр.—22 мая 920)[2]). Что Ахмедъ ибн-Сахль былъ иранскимъ патріотомъ, говорятъ также историки, но о томъ, что онъ былъ покровителемъ персидской литературы и персидскаго эпоса, мы знаемъ только изъ словъ Фирдауси. Столь же одиноко стоитъ ссылка Фирдауси (въ разсказѣ объ Ашканіяхъ) на «дихкана Чача» (долины Чирчика)[3]); только изъ этой ссылки мы узнаемъ, что въ собираніи иранскаго эпоса принимали участіе также дихканы Мавераннахра.

Время составленія труда Дакики у Фирдауси не указывается; изъ исторіи персидской литературы извѣстно, что Дакики связалъ свое имя съ именами Саманидовъ Абд-ал-Мелика (954—961)[4]), Мансура (961—976) и Нуха (976—997)[5]). Примѣръ «Калилы и Димны», переведенной поэтомъ Рудеки съ арабскаго текста Ибн-Мукаффа[6]), заставляетъ полагать, что и при составленіи свода иранскаго эпоса въ основу были положены арабскіе переводы. Только этимъ можно объяснить фактъ, отмѣченный и въ трудѣ Нельдеке, что даже нѣкоторыя изъ наиболѣе извѣстныхъ персидскихъ именъ употребляются у Фирдауси въ ихъ арабской формѣ[7]). Особенно

1) Ibid., II, 145. Что слово ازاد дѣйствительно, было epitheton ornans и что имя поэта было سرو, видно изъ стиха Фирдауси (شاهنامه p. 653): كنون باز كردم بكفتار سرو فروزندهٔ سهل ماهان بمرو.

2) В. Бартольдъ, Туркестанъ, I, 6—7 и II, 251—252.

3) شاهنامه, p. 721: چنين كفت كوينده دهقان چاچ كزان پس كسى را نبد تخت وتاج. Чтеніе چاچ имѣется также въ другихъ изданіяхъ и рукописяхъ, напр. рукоп. Публ. библ. Dorn 329, f. 238a; рук. Жуковскаго, стр. 1172; Macan, p. 1364,4; Mohl, V, 270, v. 45; Mohl, trad., V, 216.

4) Къ нему, повидимому, относится приведенный у Бейхаки (ed. Morley, p. 466) стихъ о смерти эмира ابو نصر. О сынѣ Абд-ал-Мелика Насрѣ см. мой Туркестанъ, II, 262.

5) Стихи Дакики въ честь Мансура и Нуха приведены у Ауфи (Lubáb, II, 12). Ср. также Browne, Lit. hist. of Persia, I, 460. Дакики названъ и у Утби въ числѣ саманидскихъ поэтовъ (Manini, شرح اليمينى, I, 52; такъ правильно у Nöldeke; у Броуна ошибочная ссылка II, 22).

6) Grundriss, II, 221.

7) Ibid., II, 146. Правда, при этомъ предполагается возможнымъ, dass diese Schreibungen erst bei der letzten Redaction etwa durch einen Muslim eingeführt wären.

замѣчательно, что имя Хосроя Ануширвана всегда пишется كسرى, хотя въ Хорасанѣ, конечно, знали, что арабскому «Кисрâ» соотвѣтствуетъ персидское «Хусрау»; въ персидскомъ переводѣ лѣтописи Табари даже прозваніе переводчика Худай-Намэ Мусы ал-Кисрави передѣлано въ ал-Хусрави [1]). Даже у Фирдауси городъ, основанный Хосроемъ, называется زيب خسرو [2]), но въ этомъ случаѣ правописаніе خسرو могло быть и въ его арабскомъ источникѣ. Замѣчательно, что въ той части Шахъ-Намэ, гдѣ говорится о Хосроѣ II, такъ-же послѣдовательно употребляется форма خسرو, какъ въ разсказахъ о Хосроѣ Ануширванѣ — форма كسرى [3]).

Разсказы Шахъ-Намэ о Хосроѣ II почти всецѣло основаны на легендарныхъ сказаніяхъ и не имѣютъ почти ничего общаго съ исторіей; даже о побѣдоносной войнѣ съ Византіей, о завоеваніи азіатскихъ провинцій и Египта нѣтъ ни слова [4]). Съ другой стороны, въ главахъ, посвященныхъ Хосрою Ануширвану, помимо сказаній о Бузурджмихрѣ и т. п., мы находимъ иногда болѣе подробныя свѣдѣнія объ историческихъ событіяхъ, чѣмъ въ дошедшихъ до насъ сочиненіяхъ арабскихъ историковъ. Особенно замѣчателенъ разсказъ о войнѣ турковъ съ хайталами [5]), гдѣ страна хайталовъ простирается «отъ Согда до Джейхуна», царь ихъ носитъ имя Гатферъ, войско его состоитъ изъ «кушанцевъ и согдійцевъ»; послѣ пораженія Гатфера при Бухарѣ его народъ возводитъ на престолъ новаго царя Фагâнѣша. Имя Гатферъ соотвѣтствуетъ названію одного изъ самаркандскихъ кварталовъ [6]). Возможно, что Фирдауси въ этомъ случаѣ сохранилъ намъ имя историческаго лица и что его Гатферъ есть то же лицо, какъ Катульфъ византійскихъ источниковъ — эфталитъ, будто бы предавшій свою страну туркамъ и бѣжавшій къ персамъ [7]).

Несомнѣнно, что этотъ разсказъ, гдѣ упоминаются исчезнувшіе еще въ до-мусульманскую эпоху кушанцы, является въ Шахъ-Намэ исключеніемъ. Дакики и Фирдауси заботились не столько о точной передачѣ эпическихъ сказаній, сколько о созданіи литературнаго произведенія, понятнаго для ихъ современниковъ и соотвѣтствующаго ихъ вкусамъ; съ такой же смѣлостью, какъ ихъ предшественники сдѣлали Афрасіаба и Арджаспа

---

1) Перс. Табари, перев. Dubeux, p. 3; перев. Zotenberg, I, 4; инд. изд. 1896 г., стр. 3.

2) شاهنامه, p. 866.

3) Извѣстный соперникъ Бехрамъ-Гура тоже называется خسرو (شاهنامه, p. 778 sq.), У Табари (I,858,10 и дальше) كسرى, въ перс. переводѣ (стр. 299 сл.) خسرو.

4) Это отмѣтилъ и Нельдеке (Tabari, S. 365, N. 1).

5) شاهنامه, p. 888 и слѣд. Mohl, VI, 310, v. 1811. Mohl, trad., VI, 246 sq. Ghatfer.

6) Ср. мой «Туркестанъ», I, 63 и II, 88.

7) Fragm. Hist. Graec. IV, 225.

турками, они вносятъ въ свою поэму географическую и этнографическую номенклатуру своего времени и окружаютъ своихъ героевъ соотвѣтствующей реальной обстановкой. Филиппъ и Александръ были римскими кесарями; въ эпоху Сасанидовъ уже были большими городами Багдадъ и Ширазъ; упоминаются такія народности, которыя не могли быть названы въ Худай-Намэ, въ томъ числѣ русскіе[1]). Столь же мало останавливались передъ созданіемъ сказочной обстановки для историческихъ героевъ; историческій царь V в. по Р. Хр.[2]) убиваетъ въ Индіи дракона. Эпосъ сливается въ одно цѣлое съ исторіей; миѳическіе цари, начиная съ Феридуна, отправляютъ такія же длинныя письма, какъ Сасаниды, и Сасаниды окружены такими же богатырями и мудрыми совѣтниками, какъ миѳическіе цари.

Поэма Фирдауси положила конецъ героическому эпосу, какъ отрасли персидской литературы; всѣ послѣдующія попытки излагать въ эпическихъ стихахъ преданія о герояхъ древности и разсказы о современныхъ событіяхъ были только мертвымъ подражаніемъ Шахъ-Намэ. Народное эпическое творчество жило, можетъ быть, еще нѣсколько вѣковъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ областяхъ, куда медленнѣе проникала книжная культура. На родинѣ Рустема, въ Сеистанѣ, историкъ XIII в. по Р. Хр. Джузджани слышалъ народное преданіе, въ которомъ одинъ изъ популярныхъ мотивовъ иранскаго эпоса, встрѣчающійся уже у Геродота (I, 114) — дѣтская игра въ цари, какъ начало возвышенія будущаго основателя династіи — перенесенъ на мусульманскаго правителя IX в.[3]).

В. Бартольдъ.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

---

1) Въ бомб. изданіи شاهنامه (стр. 670) вмѣстѣ съ Филиппомъ македонскимъ названъ русскій царь (شاه روس). Чтеніе روس имѣется также въ изд. Макана (p. 1263,11), въ инд. литографіи (لكهنو ۱۳۰۱), стр. 102 и въ трехъ рукописяхъ Аз. музея (175 f. 317b, 175a f. 455b, 175c f. 326b); но въ изданіи Моля (Le livre des rois, V, 52, v. 43, trad., V, 40) стоитъ سوس; то же чтеніе даютъ рукопись 849=1445 г., находящаяся въ Аз. музеѣ и принадлежащая В. А. Жуковскому (стр. 1134), и рук. Dorn 329 (733=1332-3 г.), f. 219a. Въ разсказѣ о подаркахъ, присланныхъ Хосрою II разными народами, во всѣхъ версіяхъ упоминаются русскіе (شاهنامه, стр. 1060; Mohl, VII, 328, v. 3905; Macan, IV, 2015,1; рук. Dorn 329, f. 354a; рук. Жуковскаго, стр. 1434; Mohl, trad., VII, 268). При наведеніи этихъ справокъ я воспользовался любезною помощью и указаніями Ф. А. Розенберга.

2) Бехрамъ-Гуръ (شاهنامه, стр. 796). Въ арабскихъ версіяхъ въ этомъ мѣстѣ говорится о слонѣ (Nöldeke, Tabari, S. 106).

3) Tabaqát-i-Násirí, transl. by Raverty, p. 20—21.